

Вопросы
из книги...

ТУРКМЕНСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ НАУК СССР

МАТЕРИАЛЫ

ЮЖНО-ТУРКМЕНИСТАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ
КОМПЛЕКСНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Выпуск 1

АШХАБАД
1949

О ПРОИСХОЖДЕНИИ НЕКОТОРЫХ КАМЕННЫХ НАМОГИЛЬНИКОВ ЮЖНОГО ТУРКМЕНИСТАНА

„И везде в полях стоят яко чело-
веки по древнему обычаю от камня
соделанные; но тыя камения уже
мохом поростоша“.

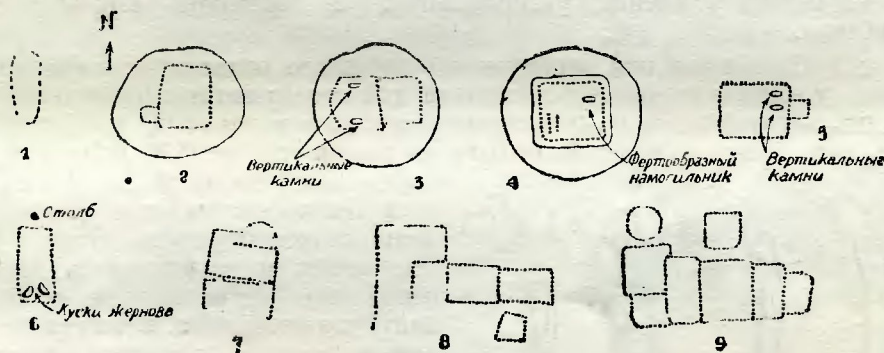
Старинное русское сказание.

В югозападной части Туркменистана встречаются своеобразные каменные намогильники, которые зарегистрированы в горах у Нухура, в долинах Дейнесу, Чандыра, Сумбара, Атрека, на Мешхеда Мисрианском плато, как будто в районе Красноводска и вдоль северного склона Копет-Дага до Теджена включительно. Попадаются они и в прилегающих районах к югу от советско-иранской границы. На них с конца прошлого столетия обращали внимание военнослужащие, врачи, инженерно-технические работники среднеазиатской железной дороги, а с начала XX века они были предметом изучения некоторых археологов-краеведов (И. Т. Пославский, Г. Б. Эппель, Ф. А. Михайлов). Вопрос же об их происхождении несколько раз дискуссировался на заседаниях Туркестанского и Закаспийского кружков любителей археологии (1).

В основном привлекли к себе внимание две группы этих своеобразных намогильников: столбообразные и крестообразные. Их сблизжали с менгирами и другими мегалитическими памятниками (2). Столбообразные, по мнению президиума ТКЛА, могли быть колоннами из какого-либо древне-персидского сооружения, например, парфянской эпохи (3). И. Т. Пославский в 1904 году, исходя из того, что они поставлены в изголовьях погребений с восточной стороны, считал их памятниками огнепоклонников. В конце двадцатых годов некоторые сотрудники Ашхабадского музея склонны были видеть в них памятники древнего фаллического культа. В отношении же крестообразных намогильников в широких кругах пользовалось большой популярностью мнение, поддержанное в свое время И. Т. Пославским, будто они оставлены христианами в период до арабского завоевания и может быть несторианского толка (4), хотя одновременно допускалось даже, что подобные «кресты» могли быть водружены над могилами русских солдат, погибших во время одного из походов, осуществлявшихся в 70 и 80-х годах прошлого столетия войсками Кавказского военного округа. Г. Б. Эппель подметил, что памятники эти часто «имеют форму буквы «ф» и таким образом изображают человека с подпертыми к туловищу руками» (5), а доктор Билинский усмотрел в одном из них признаки женщины-кормилицы (6). Наконец, Ф. А. Михайлов видел в них различные варианты формы намогильников с

изображением рогов барана, уклонившись от какого бы то ни было определения в смысле принадлежности их тому или иному народу и отнесения к какой-либо эпохе (7). В 1929 году мной, совместно с моим учеником И. А. Сухаревым, была совершена по линии Геологического Комитета поездка в Караелчи и Арпаклен для изучения вопросов по истории горного дела в этом районе. Попутно удалось собрать ряд новых наблюдений над указанными памятниками, которые позволяют пересмотреть прежние представления и прийти к более определенным выводам (8).

Территория распространения интересующих нас объектов, некогда занимавшаяся племенами дахов, почему область еще и в средние века сохраняла название Дахистан (т. е. «страна дахов») (9), изобилует разновременными одиночными и групповыми курганными погребениями кочевников и полуседлого населения. Групповые курганы иногда располагаются цепочками от 3 до 5 в ряд и вытянуты то с запада на восток, то с севера на юг. У подавляющего большинства курганов диаметр насыпи 7—8 м, а высота 0.5—1 м. Иногда погребение на по-

1. Каменные обкладки могил.

1. Ящичнообразная обкладка.

2—5, 7—9. Каменные обкладки могил на кладбище у Арпаклена.

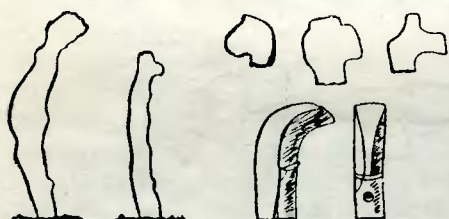
6. Могила на кладбище у Иерты-Кала.

верхности обозначено плоскими камнями, вертикально вкопанными в землю и образующими узкую ящичнообразную обкладку. В других случаях обкладки из плашмя положенных камней обнимают более значительные площадки, примерно, прямоугольной формы, которые, будучи порой близко расположенными друг к другу, имеют иногда одну общую сторону и как бы сливаются вместе, объединяя две, три, четыре и более площадок общим периметром. Вероятно, здесь мы имеем дело с семейными захоронениями, а маленькие площадки, может быть, соответствуют детским захоронениям. Нередко внутри ограды лежат расколотые каменные жернова, причем обычай класть их на могилы известен и по другим районам Средней Азии. Между прочим, они были обнаружены в конце прошлого столетия на христианских кладбищах Семиречья XIII—XIV в.в., а мною встречены в 1938 году на могильных каменных насыпях в окрестностях Ургута (Самаркандской области), близ места, где располагался упоминаемый Ибн Хаукалем в X веке христианский храм со многими кельями отшельников. Как пережиток, этот обычай в Южном Туркменистане в средние

века, оказывается, практиковался даже при совершении мусульманских погребений, о чем свидетельствует крупный декоративный каменный жернов, доставленный в Ашхабадский музей из развалин Старого Серахса и имеющий толщину в 11 см при диаметре 97—98 см. Одна сторона его покрыта несколькими концентрически расположенными арабскими надписями почерком куфи. Они содержат не только религиозный текст, но, как удалось мне разобрать, упоминают Сахиба Мухаммеда, сына Гани, скончавшегося в 614 г. (1217/8 г. н. э.), а также имя мастера Мухаммеда, сына Мухаммеда, сына Мухаммеда из города Ниса, изготовившего этот исключительно интересный жерновоподобный надгробный камень.

Внутри ограды, а иногда рядом с ней, бывают вертикально поставленные обделанные и необделанные, но более крупные камни. В некоторых случаях их бывает два — в ногах и в голове погребенного лица. При наличии одного, последний ставится или у северной, или у восточной стороны. Характерно, что «каменные бабы» Семиречья, в тех случаях, когда можно быть уверенными в их несмещенном с древности местонахождении, располагаются с восточной стороны погребения.

Необделанные или частично и примитивно отделанные камни, поскольку, очевидно, они не требовали для своего изготовления большого искусства и времени, встречаются особенно часто среди прочих, вертикально стоящих камней. Высота их колеблется от 0,50 м до 4 м, и

II. Вертикально поставленные частично обделанные каменные надгробники с кладбища на горе близ ущелья Растиган (по Ф. А. Михайлову).

в пределах Персии Ф. А. Михайлов лет сорок назад видел кладбища, сохранившие до сотни и более таких надгробников. Чаще всего это естественные отколы плитняка-песчаника. Верхняя часть иногда бывает сплющена и оттянута в виде „морды“ или „клюва“. Ф. А. Михайлов считал, что здесь изображена голова горного барана, архара. Небезынтересно отметить, что такие камни вкапываются в землю повернутыми „мор-

дой“ на восток, подобно северо-туркестанским „каменным бабам“, лица которых обращены по направлению к месту восхода солнца.

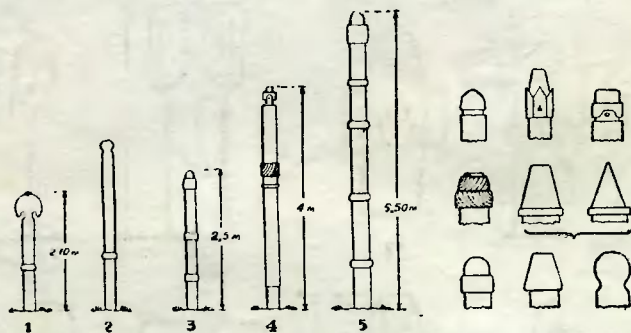
Среди обделанных вертикальных надгробных камней наиболее эффектными и крупными являются правильной формы «столбы». Большая часть их сделана также из песчаника и имеет шероховатую поверхность, в чем И. Т. Пославский хотел видеть признак применения при обработке их каменных, а не металлических орудий. Более правдоподобно допустить, что неровность поверхности является результатом разрушительного действия атмосферных факторов на не очень прочную породу. Бросается в глаза, что эти столбы сплошь и рядом далеко отстоят от месторождений камня, послужившего для них материалом, и, следовательно, их доставка из каменоломен к месту водружения требовала затраты немалой силы и средств.

Подобные столбы встречаются в одиночку и небольшими группами, а на некоторых кладбищах их можно иногда насчитать до двух

десятков. Стволы их круглые в сечении, порой овальные и очень редко граненые; вкапывающиеся же в землю основания нередко бывают именно гранеными. Часть ствола в некоторых случаях имеет стесанную до плоскости поверхность. Высота столбов колеблется от 1,5 м до 5 м (в наземной части); диаметр — 0,25 м до 0,40 м. Стволы имеют один-два выступающих пояса, реже — три, четыре и даже пять. Они сближены между собой на разных расстояниях, и верхние имеют иногда косые насечки. В наверху столбов нетрудно усмотреть имитацию различных головных уборов: тильпаков, папах, чалм, а в некоторых случаях как будто тюбетеек. В «архитектуро-подобных» наверху, думается, следует видеть те же головные уборы, видоизмененные не без влияния каменщиков-иранцев в более близкие и привычные их ремеслу традиционные архитектурные формы. Наконец, есть наверху фертообразные, причем такие столбы, имеющие до 2 м высоты (10), служат как бы промежуточной формой между собственно «столбами» и плоскими фертообразными стелами.

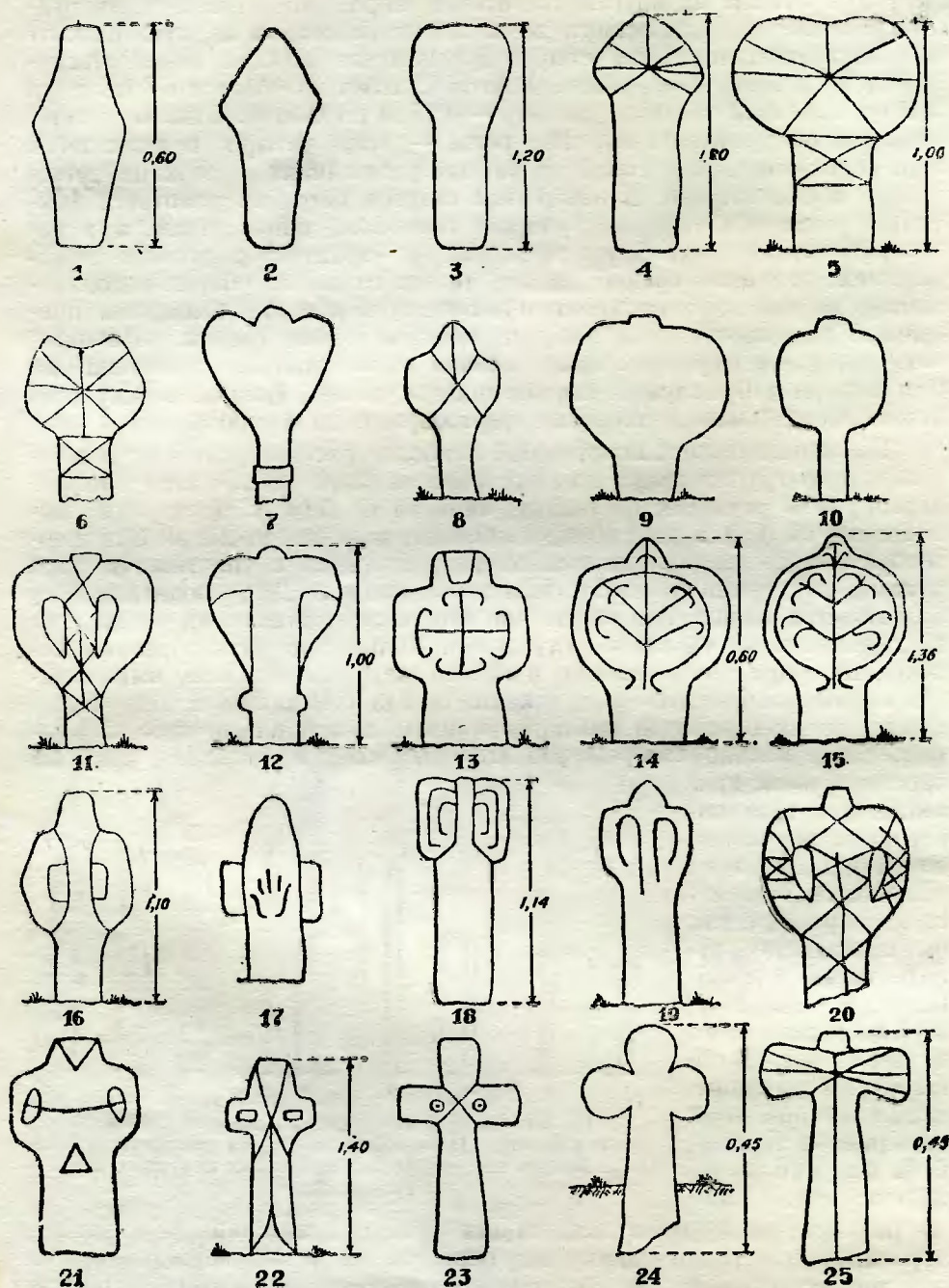
Последние представляют собой наиболее распространенную и многообразную группу среди плоских вертикальных стел. Они весьма варьируют в размерах по высоте, начиная от 0,40 м. Чаще всего падаются от 0,60 м до 1,40 м, но бывают изредка до 2,5 м. Эти фертообразные стелы, напоминающие фигуры людей с упертыми в бока руками, как правило, имеют низкое основание. Для подавляющего большинства характерно отсутствие «головы» при наличии «шеи» или находящегося на её месте углубления. Количество разнообразных переходных форм очень велико, и некоторые, действительно, имеют даже «самоварообразный» вид, как это иногда отмечалось в литературе. Одним из их вариантов являются мнимые христианские кресты: полные, когда налицо изображение «головы», и «теообразные», как бы кресты в ранне-христианской трактовке, в том случае если показана одна невысокая «шея».

Незамкнутые, как бы свисающие «руки» были восприняты Ф. А. Михайловым как архарьи рога. На обширном Кара-Алимском кладбище мной обмерена и зарисована плоская вертикальная стела, почти реалистически воспроизводящая фигуру мужчины в халате, перетянутом в талии поясом-жгутом. Как бы в подтверждение, что это именно мужчина, на его плече вырезана арабским шрифтом надпись — «углы» — «его сын», т. е. перед нами изображение чьего-то сына. Некоторые, в общем, весьма немногие стелы явно изображают женщину, на что указывают намеченные кружками груди, половые органы и, наконец, своеобразный крестообразный жепский

III. Столбообразные каменные надгробники
1—2—на кладбище Иерты-Кала; 3—5—на кладбище Кизыл-Имам. Восемь наверху столбообразных каменных надгробников.

ти реалистически воспроизводящая фигуру мужчины в халате, перетянутом в талии поясом-жгутом. Как бы в подтверждение, что это именно мужчина, на его плече вырезана арабским шрифтом надпись — «углы» — «его сын», т. е. перед нами изображение чьего-то сына. Некоторые, в общем, весьма немногие стелы явно изображают женщину, на что указывают намеченные кружками груди, половые органы и, наконец, своеобразный крестообразный жепский

IV. Фертообразные и крестообразные каменные намогильники.

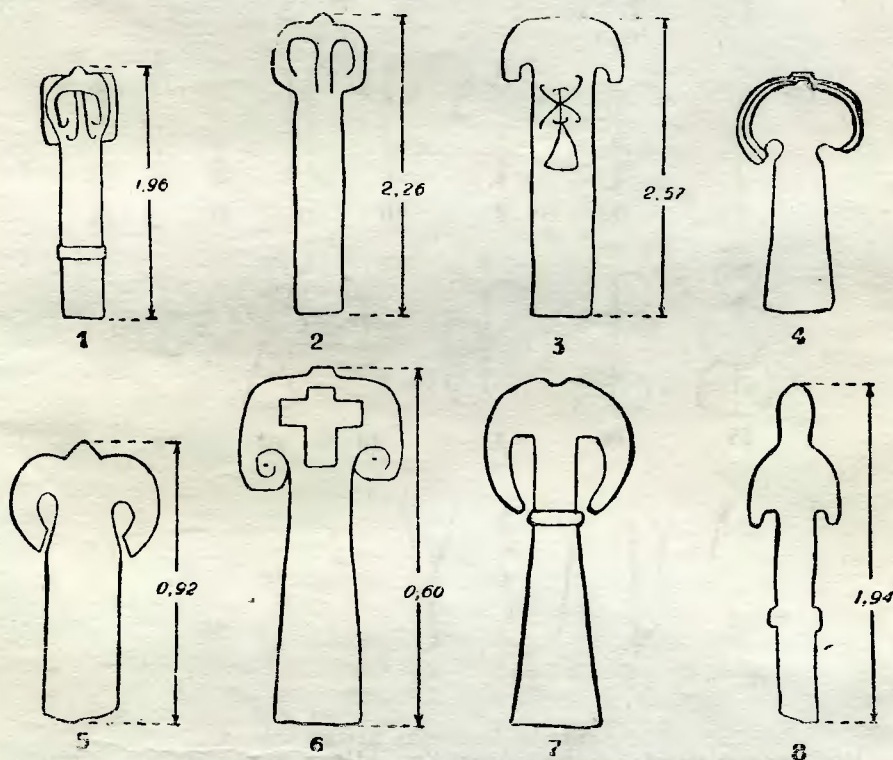
1—5, 12, 16, 20—на кладбище Кызыл-Имам.
11—15 " " Кара-Алим.
13—21 " " Иерты-Ка ла.
9 " " Арпаклер.

23 на кладбище Кара-Кала.
21—25 Бавт-Аджи.
6—8, 10, 11, 16, 17 по Ф. А. Михайлову.
21—23 изображения женских фигур.

Эта - в дровах
на оном и там же
камень, но с сел. и вода
+ ошмид в тугуне (шнур)!

амулет — тумар, хайкаляк, или кайкаляк, на который любезно обратила мое внимание Е. М. Пещерева и, который представляет собой «образ» или условную передачу человеческой фигуры (11).

Как на стелах, так и на столбах бывают примитивно вырезаны различные изображения. Среди них особую группу составляют фигуры людей в халатах с перетянутой талией, то стоящие en face, то показанные как бы идущими вправо. Как и у «фертообразных» стел, вырезанные человеческие фигуры, редко изображены с круглой головой. Иногда её совсем нет, и даже на месте шеи показано углубление. В иных случаях, как на стеле кладбища у аула Кызыл-Имам, она показана короткой горизонтальной чертой. На стеле кладбища у аула Иерты-Кала к человеческому туловищу вместо головы приставлено ёлочковидное деревцо. Из животных мне пришлось видеть только выцарапанные фигуры, одиночно стоящей влево лошади без всадника, но иногда с седлом. Среди предметов попадаются изображения изогнутой шашки-клыча, лука, колчана и как будто пращи. Особенно мно-

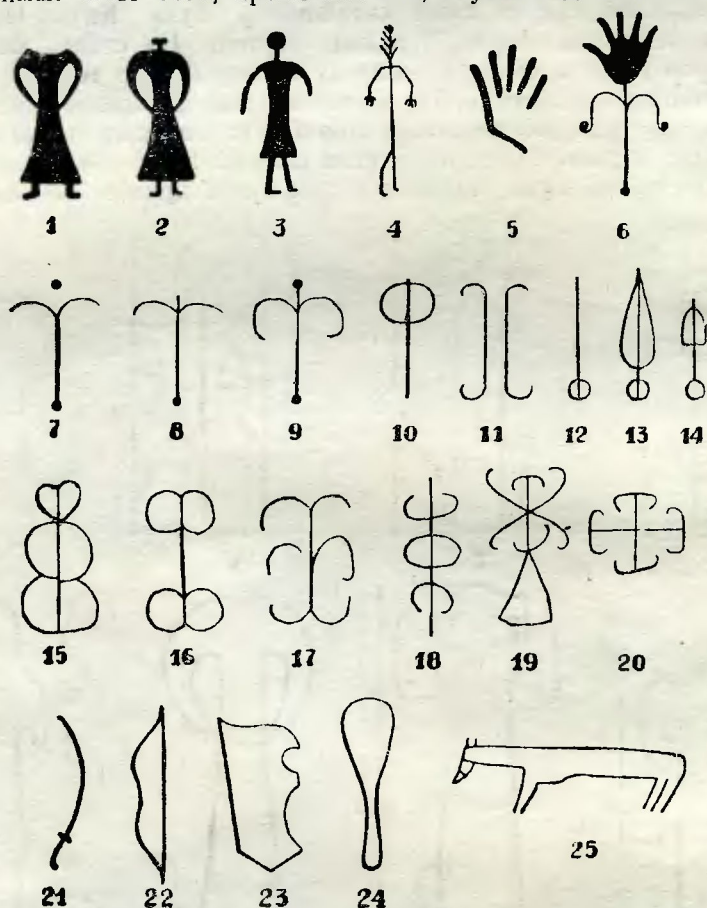

V. Фертообразные каменные надгробники.
1—4, 6—7—на кладбище Кара-Алим.
5 — „ „ Иерты-Кала.

го встречается различных знаков и символов, в частности, изображений ладони правой руки с расставленными пальцами. Иногда она венчает исполненные линиями фигуры не то тамги, не то условно трактованного туловища человека. Наряду с человекоподобными тамгами

встречаются подлинные родовые тамги. Среди них В. Г. Мошкова, на зарегистрированной нами фертообразной стеле кладбища Иерты-Кала, опознала тамгу рода салах номутского племени, подобные которой она видела в 1940 году на могилах Ташаузского округа.

Надписи и на столбах и на фертообразных стелах встречаются очень редко. Среди них религиозные формулы далеко нечасты. Обычное других «басмала», т. е. «во имя Аллаха, милостливого, милосердного». Кроме неё, мною зарегистрировано несколько случаев употребления калимы: «Нет бога, кроме Аллаха; Мухаммед посланник Алла-

VI. Рисунки на каменных надгробниках.

Изображения людей: 1—3 на кладбище Кизыл-Имам, 4—на кладбище Кара-Алим. Изображения ладони 5—6 на кладбище Кизыл-Имам.

Разные знаки (8, 9, 15—17 на кладбище Кизыл-Имам; 20—тамга номутского рода салах).

Оружие: шашка, лук, колчан, праща (?) по Ф. А. Михайлову.

Изображение лошади на кладбище Кизыл-Имам.

ха». Реже приводятся фразы, приписываемые Мухаммеду, и начинающиеся словами: «сказал пророк». В большинстве случаев надписи заключают немногословную эпитафию, сообщающую имя погребенного

лица, иногда с упоминанием отца и указанием общественного положения. Примером наиболее лаконичной эпитафии может служить надпись на фертообразной стеле с кладбища у Иерты-Кала, на которой вырезано только два слова: «Ураз Дурд(ы)». На кладбище у мазара Кызыл-Имам имеется двухметровый столб, у которого на северо-восточной стороне после «басмала» и «калимы» вырезано «Абду... Фарбудак», а на южной — «Давлет ходжа углы учун». На другом, более высоком столбе того же кладбища (2,5 м), после «басмала», упомянут «могущественнейший эмир Абду Кура Фулат, сын Аллах-Кули», причем слово «сын» дано по-арабски. Особенно интересны эпитафии обширного кладбища Кара-Алим, занимающего ныне даже часть средневекового городища, опустевшего, по археологическим данным, в VIII веке. Здесь на одной фертообразной стеле дана попытка вырезать надпись с подражанием куфическому почерку. В первой строке помещено два слова: «Юл Мамбет», т. е. «Путь Мухаммеда». Во второй — «басмала». В третьей и четвертой — «Тукрат бали... сын эмира Серкеда», причем слово «сын» приведено по-арабски. Другая фертообразная стела содержит только имя покойного, написанное в три строчки, причем читать надо снизу вверх: «Даки Рахман-берды хан, Мусы углы». Самой многострочной, заключающей не то 11, не то 12 плохо сохранившихся коротеньких строчек, по одному, по два слова в каждой является эпитафия на поломанном, утратившем навершие столбе, который стоит на том же кладбище Кара-Алим. Надпись упоминает народного трубадура Карию Бахши по прозвищу Меткарим аучи, который имеет почетные титулы «тархун» и «туфурад». В надписи приведен тарих 1110 г. х. (т. е. 1698/9) и, вместе с тем, указано по животному циклу «в год змеи», что дает разницу по сравнению с датой хиджры примерно в два года. Это пока самый старый надмогильник туркменского бахши, ныне уже почти забытого, и один из немногих памятников, несущих на себе дату. Ф. А. Михайлов упоминает в долине Чандыра еще один надмогильник хана Мамеда ибн Эвез Кули с датой 1174 г. х., т. е. 1760/1 г. н. э.

Все виденные мною надписи, судя по эпиграфическим данным, сравнительно позднего происхождения (не ранее XVII в.), исполнены недостаточно грамотными людьми, отличаются грубым начертанием букв арабского алфавита и производят в некоторых случаях впечатление появившихся при позднейшем повторном использовании более старых надмогильников. Многие столбы и плоские стелы лежат теперь повернутыми и «вросли» в землю, что дает основание надеяться на возможность обнаружения аналогичных памятников при земляных вскрытиях. Некоторые из стоящих еще вертикально и лежащих на поверхности кем-то разбиты и покалечены, несомненно, с большим трудом и, очевидно, нарочито, может быть врагами, в порядке осквернения или мести. Почти все несут на себе явные следы выветривания, процесс которого длился весьма продолжительное время. Всё говорит за то, что перед нами памятники старины.

Кладбища, где они расположены, пользуются большой популярностью у теперешних туркмен, продолжают функционировать в большинстве до последнего времени, и гоклены, и номуты хоронят на них своих покойников, привозя их сюда порой издалека, поскольку на гуристанах обычно бывает мазар какого-нибудь чуждого мусульманина

духовного лица, близость к которому будет полезна в день воскресения мертвых. По словам Ф. А. Михайлова, современное туркменское население ничего не знает о происхождении самих каменных надмогильников, но своими их не считает. Мне же на месте в 1929 году старики-гоклёны говорили, что привлёкшие моё внимание надмогильники принадлежат, якобы, гирейли (герайли, керайли), признаваемым за потомков древнего монгольского племени керантов и давно уже живущим в персидских пределах — в Южном Хорасане Астрабадской провинции и Мазандеране. Придавать показаниям современных сумбарских гоклёнов значение исторической документальности, однако, нельзя, особенно учитывая роль событий XVIII века в «забвении» многого из местной истории не только в Туркмении, но во всей Средней Азии, в связи с последствиями всеобщего для страны кризиса, сопровождавшегося сдвигами крупных массивов оседлого и кочевого населения, переходом их на новые места, прерывом преемственности и традиций. К тому же, наблюдения над современностью и недавним прошлым в историко-этнографическом аспекте дают многообещающие перспективы в смысле увязки их с данными историко-археологического порядка.

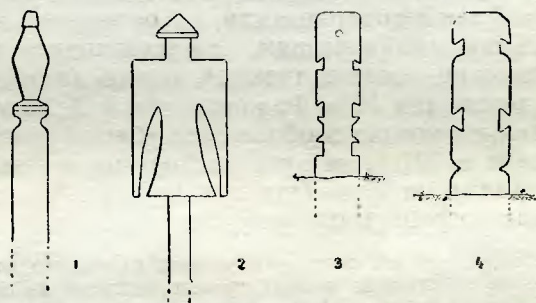
По обычаю старины, современное туркменское население Сумбарского района после совершения захоронения втыкает до настоящего времени в голову и в ноги могильной насыпи длинные прутья или даже довольно значительной толщины палки, как это делается до сих пор и в некоторых других местах Средней Азии, и что нельзя не сопоставить с установкой вертикальных камней на рассматривавшихся буграх старинных могил. На кладбище у Иерты-Кала в 1929 году удалось наблюдать ветхий деревянный столб, воткнутый некогда в могильную насыпь взамен палки. Круглого сечения, он имел специально вырезанное венчание, сближающее его с каменными вертикально поставленными надмогильными столбами. В двух других местах на том же кладбище мне попались истлевшие остатки деревянных столбов, аналогичных первому, но, судя по состоянию разрушенности материала, может быть старше вышеупомянутого по времени своего изготовления. На кладбище Кизыл-Имам оказался не менее любопытный объект, явно подражающий каменным стелам с довольно реальной передачей фигуры человека. Туловище с опущенными вниз и несколько отставленными от него руками, с высокой «шеей» и с выходящим над ней островерхим головным убором, было вырезано как бы из толстой доски, насажено на шест и водружено на могилу. После этого нетрудно было в своеобразно вырезанных досках, встреченных воткнутыми в головы и ноги могильной насыпи кладбища у Иерты-Кала, распознать попытку условной передачи фигуры людей. У одной из таких досок-стел с тыльной стороны оказались вбитыми перержавевшие гвозди, которыми были когда-то прикреплены, судя по жалким остаткам, какая-то ткань и шкура козы с несколькими уцелевшими, но сильно порывшимися теперь от времени, волосками.

В параллель этому можно привести оформление могильных насыпей у курдов, по сделанным мной в 1945 году наблюдениям на кладбище у «Гумбеза Манаса» в горном Таласском районе Киргизии. Там в головах и ногах погребения втыкаются вырезанные из дерева кинжалоподобные колышки до 35 см длиной при 2,5—3 см

толщиной. Они довольно крепко заклиниваются в земле загоняемыми вплотную камнями. Колышки, помещаемые в голове, имеют два перехвата, а втыкаемые в ногах — один, почему больше напоминают своим видом кинжал. В момент совершения похоронных обрядов на оба сверху одевают белые матерчатые колпачки, которые полностью закрывают их и края которых прикапываются землей. Колпачок ножного колышка при этом перетягивается «в талии» тесьмой. Интересно, что на ряде могил вместо деревянных «кинжалов» оказались вертикально поставленные продолговатые палки. Смысл этого обычая мне объяснить не могли и только ссылались на то, что так принято. Едва ли, однако, описываемые кинжаловидные колышки не одного происхождения с фертообразными стелами югозападного Туркменистана.

Точно датированные столбообразные надгробники с навершием в виде головных уборов известны в других местах с начала XIV столетия: например,

в Крыму, где они значительно меньших размеров. Круглые или восьмигранные, с фигурным навершием в виде разнообразных тильпаков, они связаны там с мужскими погребениями, тогда как над женскими ставили исключительно плоские стелы со стрельчатым или клиновидным верхом. Показательно,

VII. Деревянные надгробные памятники: 1, 3, 4 — на кладбище Иерты-Кала, 2 — на кладбище Кизыл-Имам.

что в Крыму татарские надгробные памятники еще недавнего времени отличались по форме изображаемых на них головных уборов: мужские имели чалму, женские — плоские шапочки-фески (12). Напоминающие мечи каменные надгробные столбы с чалмами наверху довольно обычны в Турции, Малой Азии, на Черноморском побережье Кавказа. В пределах СССР мне встречались подобные надгробники с датами XVII столетия. С ними следует сопоставить своеобразные кавказские же фигурные столбы-стелы, подобные находящимся на дороге из Маджалиса в Кубачи (13). Может быть, следует усматривать какую-то внутреннюю связь также между столбообразными надгробниками и столбообразными каменными чирагханами, ставившимися в Мавераннахре на протяжении XV—XVI в.в. у могил лиц из светской и духовной знати.

Уже сказанного достаточно для обоснования вывода, что вертикально поставленные каменные надгробные столбы и фертообразные стелы югозападного Туркменистана в основе своей являют изображения людей и, следовательно, могут быть сближены с так называемыми «каменными бабами» или балбалами. Последние исторически известны уже у орхонских тюрков, выступивших на исторической арене в VI в. н. э., а установка этих каменных истуканов до XIII века включительно у некоторых других тюркских народов засвидетель-

ствована письменными источниками. Балбалы, с вереницей поставленных на могиле рядом с ними камней, у древних тюрков должны были изображать убитых покойным врагов. Наличие в Средней Азии «каменных баб», явно передающих женский облик, заставляет допустить ещё и иное их назначение. По мнению Н. И. Веселовского, в женском балбале можно предполагать или служанку или жену, скончавшуюся раньше смерти мужа, которая должна находиться в загробном бытии подле погребенного лица (14). Не исключена возможность, что некоторые «каменные бабы» являются изображением самого покойника.

Как четверть века назад, так и доньше остается справедливым констатированное В. В. Бартольдом положение, что происхождение этого обычая не выяснено, что неизвестно, был ли когда-нибудь он общим для всех среднеазиатских кочевников средневековья, и что не разрешен целый ряд вопросов о типах «каменных баб», их хронологической последовательности, об отношении их к другим статуям и чело-веческим изображениям, встречающимся в тех же степях (15). Но в отношении предков туркмен, огузов (или гузов), имеется определенное свидетельство Ибн Фадлана, что в X в. у них практиковалась постановка на могиле изображений убитых врагов. Этот арабский путешественник в 992 г. на пути из Хорезма к Волжским болгарам столкнулся с огузами на Усть-Урте при спуске с Чиника и оставил следующее описание погребального ритуала:

«А если умер человек из них, то для него роют большую могилу наподобие дома, берут его, одевают на него его куртку, его пояс, его лук, кладут в его руку чашу из дерева с набидом, оставляют перед ним сосуд из дерева с набидом, приносят всё его имущество и кладут с ним в этом доме. Потом сажают его в нём и покрывают настилом дом над ним, накладывают над ним подобие юрты из глины; берут лошадей его в зависимости от их численности и убивают из них сто голов или двести голов, или одну голову и съедают их мясо, кроме головы, ног, кожи и хвоста. И действительно они растягивают это на деревьях и говорят: «Это его лошади, на которых он поедет верхом в рай».

Если же он убил человека и был храбр, то вырезают изображения из дерева по числу тех, кого он убил, и помещают их на могиле и говорят: «Вот его отроки, которые будут служить ему в раю» (16).

Едва ли правильно было бы думать, что эти вырезанные из дерева изображения врагов представляли собой сколько-нибудь совершенные скульптурные произведения, особенно учитывая возможное их количество. Во всяком случае, сообщение Ибн Фадлана позволяет представлять разбросанные по степи некрополи огузов, как группы земляных бугров с издали маячившими на них деревянными фигурами в виде людей. Будучи деревянными, эти своего рода «балбалы» с течением времени сравнительно легко и скоро исчезали, но, принимая во внимание исключительную стойкость в консервативном средневековом обществе погребального ритуала, унаследованного от предков, следует допустить, что зафиксированный арабским автором обычай, как-то видоизменяясь, был унаследован рядом следующих поколений огузов и их потомков.

Хотя основным материалом для этих намогильных памятников служило, по словам Ибн Фадлана, дерево, но там, где под рукой имелись месторождения каменных пород, годных для соответствую-

щей обработки, они не могли быть незамеченными. Каменные фигуры имели за собой преимущество в прочности, но, как поддающиеся обработке с большим трудом и требующие для своего изготовления мастеров-специалистов, они ставились лишь над погребениями некоторых лиц из правящей верхушки огузского общества.

Было бы очень интересно установить, не сохранился ли в современном туркменском языке старый термин, который служил некогда для обозначения каменных или деревянных столбообразных и фертообразных надмогильников. Трудно предположить, чтобы это был «бал-бал», повидимому, отсутствующий в живых тюркских наречиях (17). Очень возможно, что памятники обозначались словом «син», каковым в словаре половецкого кипчакского языка, дошедшем в венецианской рукописи XIV в., названо изображение умершего. Термин этот, обозначающий, по словам Г. Н. Потанина, по-татарски и по-чувашски «образ», «лицо», «изображение», некогда, видимо, бытовал в Средней Азии, так как с некоторым искажением сохранился в топонимике северных районов. Так, один из курганов в районе Мерке носит название «Сим-тюбе» по той причине, что на нем имеется «каменная баба»; в районе нижнего течения Таласа находится урочище «Сим-таш», получившее свое наименование от стоящего на нем камня высотой около двух аршин, а самые «каменные бабы» в Аулиетинском районе, по свидетельству В. А. Каллаура, называются или «Сим-таш», или «Сюрет-таш» (18).

Время появления рассматриваемых каменных надмогильников юго-западного Туркменистана пока не устанавливается, но, поскольку аналогичные столбообразные памятники, как уже отмечалось, известны в других районах с точными датами начала XIV века, можно думать, что они уже существовали в долинах Сумбара, Атрека, и в Дахистане в монгольскую эпоху, когда представители племен эрсари, сарык, теке и иомут кочевали здесь и по Гюргену в составе соинхановских туркмен (19). С этой точки зрения особый интерес представляет народное предание, будто каменный столб у пограничного поста Нарли, отличающийся особенно хорошей работой и имеющий несколько менее двух метров высоты, относится ко времени монгольского нашествия (20). Несомненно, во всяком случае, что ориентировка туркменских могил с востока на запад, при соответствующем расположении каменных вертикально поставленных надмогильников следует более старому обычаю, лишь постепенно вытесненному под влиянием ислама, вследствие чего все более поздние погребения вытянуты, согласно мусульманскому ритуалу, с севера на юг. Известно, что древние турки юрты обращали дверьми на восток; что у половцев надмогильные статуи обращались лицом к месту восхода солнца и что такое же положение, как отмечалось раньше, имеют непо потревоженные «каменные бабы» в Средней Азии. В этом отношении заслуживает внимание сагана под куполом восьмигранного в плане мазара «Кызыл-Имам» у одноименного аула, которая ориентирована с востока на запад, хотя её приписывают погребению некоего мусульманского святого. Соблазнительно думать, что здесь мы имеем случай канонизации мусульманским духовенством могилы лица, которое пользовалось особым вниманием и популярностью среди предков современных туркмен, ещё не бывших строгими приверженцами всех предписаний

ислама и по старому обычаю хоронивших своих покойников в положении с востока на запад. Не исключена, однако, возможность, что на положении саганы сказалось влияние местного шиитского погребального ритуала. Интересно также, что на находящихся вне мазари Кизыл-Имам куполообразных надмогильниках черепа архаров положены на макушках куполов, обращенными мордами на запад.

Трудно сказать, были ли окружены каким-либо культом столбы и стелы юго-западного Туркменистана, как это известно в отношении кипчакских каменных баб. По словам Низами, во второй половине XII века они стояли в окружении деревянных стрел. Кипчакские воины и пешие, и конные, поклоняясь истукану, клали свои стрелы в его колчан (21). Если это не образное выражение, то следует допустить, что на «каменных баб» навешивали колчаны, как это позднее делали монголы с изображениями монгольских ханов в ставке у ханского кладбища, где были погребены Чингиз хан, Тулуй, Мунке и Арикбуга (22). Очень вероятно, что в упоминавшемся выше прибитии ткани и козней шкуры на деревянный человекоподобный надмогильник Кизыл-имамского кладбища, как и в надевании матерчатых колпачков на кинжалоподобные колышки современных курдских могил, следует видеть реликтовый и редуцированный пережиток древнего обычая как-то одевать ставившиеся на могилы изображения для большей имитации их под живых людей.

Столь же допустимо полагать, что подобно высекавшимся в Средней Азии на скалах буддийским бурханам или тибетским религиозным формулам, наши каменные надмогильники покрывались прежде разноцветными красками. В отношении раскраски подобных же плит казахских могил на Магышлаке около ста лет назад имеется прямое и очень интересное указание купца Абрисимова. Он видел там, при своём проезде с побережья Каспия в Хорезм в 1848 году, каменные памятники в виде столбов, которые делались специальными мастерами, якобы из среды самих казахов. «Эти камни раскрашиваются также и разными масляными красками и врезаются в них небольшие зеркала. Памятники с зеркалами ставятся над девицами; на памятнике молодых мужчин изображают оружие: ружья, шашки, кинжалы в знак храбрости и чести умершего. Памятники продаются у них от 10 до 50 рублей серебром за каждый, смотря по искусству и чистоте отделки» (23). Следов окраски туркменских каменных надмогильников нам наблюдать не приходилось, но, если она и была, то в факте её исчезновения с течением времени нет ничего удивительного, особенно принимая во внимание интенсивно проходящий в районе процесс выветривания.

Несомненно, что надмогильные каменные столбы и стелы юго-западного Туркменистана далеко не одновременны и что наиболее старые среди них насчитываются единицами. Некоторые изготовлены по старым образцам сравнительно недавно. И совершенно не подлежит сомнению, что часть из них используется вторично, подобно тому, как это наблюдается в отношении многочисленных прекрасных мраморных надмогильных плит XV века в Мавераннахре, где у большинства их сбиты старые эпитафии и высечены новые с упоминанием покойников, даты смерти которых приходятся преимущественно на XVII и отчасти на XVI и XVIII в.в. Следы стесывания первоначальной вы-

пуклон поверхности можно наблюдать у некоторых стволов столбообразных намогильников, после чего на как бы врезанной плоской поверхности высекли новую эпитафию.

Резюмируя сказанное, следует прежде всего подчеркнуть, что фертообразные стелы (не говоря уже о столбообразных намогильниках) резко отличны от традиционного типа «каменных баб», признаваемых за «балбалов», прежде всего менее четкой выраженностью самой фигуры, а главное отсутствием лица, а иногда головы и шеи. Тем не менее, обе рассмотренные группы памятников корнями своими восходят к изображениям убитых врагов и, повидимому, в основном долгое время удерживали в народном представлении функции услужения покойнику в загробном мире, что словно бы даже звучит в некоторых сопутствующих надписях, где имя погребенного лица приводится с предлогом «учун» (т. е. для такого-то). Несмотря на утверждение ислама, в туркменском обществе, до недавнего сравнительно времени, в соответствии со старинными обычаями вырезывались деревянные намогильники, в той или иной степени упрощенно имитирующие фигуры людей и; вероятно, хотя и с известной долей искажения, как-то донесшие до нас отражения через камень и дерево своих средневековых прообразов, каковыми были деревянные изображения убитых врагов, ставившиеся на могилах огузов. Процесс обеднения и упрощения форм языческих, по существу, намогильных изображений, протекавший на протяжении нескольких столетий, не без влияния ислама, в силу ряда причин, давно уже привел к решительному преобладанию в употреблении при погребальном ритуале простых, втыкаемых в землю палок или необделанных камней с забвением их былой смысловой значимости.

Таковы предварительные наброски большой темы для будущего исследования коллективом историков, археологов и этнографов с разработкой ее во всетуркменистанском масштабе. Значимость же ее в основном определяется тем, что старинные некрополи предков современных туркмен до настоящего времени остаются одним из самых забытых участков археологии Туркменистана, хотя именно их изучение должно дать совершенно новые документальные материалы для разработки ряда вопросов по истории туркменского народа.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. Заседание ТКЛА 11 декабря 1900 г., 28 марта 1905 г.; заседание ЗКЛА 22 мая 1914 г.; кроме того, каменные намогильники юго-западного Туркменистана в свое время живо интересовали членов ЗКЛА на первом этапе его деятельности до 1906 г.

2. Эппель, Г. В. Древний памятник на границе с Персией (близ Саикуда-ка). ПТКЛА, т. X. Т. 1905, стр. 22.

3. Протокол № 1 от 18 марта 1904 г. ТКЛА, г. X. Т. 1905, стр. 3.

4. Пославский, И. Т. Из поездки на р. Атрек и р. Гюрген. ПТКЛА г. V. Т. 1900, стр. 191—192; Логофет, Д. Н. На границах Средней Азии, книга I. Персидская граница, СПб., 1909, стр. 67.

5. Эппель, Г. В., цит. соч., стр. 21.

6. Письмо Н. Т. Пославского к П. П. Остроумову. ПТКЛА, т. V. Г. 1900, стр. 193.

7. Михайлов, Ф. А. Древние кладбища по Сумбату и Чандырю. Протоколы заседаний и сообщений членов Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока, вып. I, Асхабад, 1915, стр. 18.

8. Некоторые новые факты и предварительные соображения, сообщенные в моей, сокращенной редакцией, работе «Силуэты Сумбарского района» (Историко-археологический очерк). Туркменоведение, 1931, № 3—4, стр. 56. Специальную характеристику киноварного района Сумбара см. М. Е. Массон. К истории добычи ртути в Средней Азии. Народное хозяйство Средней Азии, 1930, № 5.

9. Rowlinson, H. Дорога в Мерв (Доклад, зачитанный 27 января 1879 г. на заседании Английского географического общества). Записки Кавказского отдела РГО, кн. 11. в. 1, Тифлис, 1880, стр. 138.

10. Такой столб с фертообразным навершием, возвышавшийся на 2 м над землей, был встречен мной на кладбище в 1 км к югу от селения Яртыкала, в долине Чандыр.

11. Рассмотрение встречающихся на этих же кладбищах плоских прямоугольных, лежащих плашмя каменных надгробных плит, представленных несколькими видами типичных мусульманских надгробников, не входит в задачу настоящей работы.

12. Старо-Крымские надписи (по раскопкам 1928 г.). Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии, т. III. Симферополь, 1929 г. отд. от., стр. 2.

13. Атлас к путешествию Б. А. Дорна по Кавказу и южному побережью Каспийского моря. СПб., 1895, Таб. X.

14. Веселовский, Н. И. Современное состояние вопроса о «каменных бабах» или «балбалах». Записки Одесского общества истории и древностей, т. XXXII, Одесса, 1915, стр. 432.

15. Бартольд, В. В. К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов. ЗВО, т. XXV, П., 1921, стр. 56 и 61.

16. Ковалевский. Путешествие Ибн Фадлана на Волгу. М.-Л., 1939, стр. 63, текст 2016.

17. Мелиоранский, П. М. Памятник в честь Кюль-Тегина. ЗВО, т. XII, вып. II—III, стр. 4.

18. Калаур, В. А. Каменные бабы в Аулиеатинском уезде. Протоколы ТКЛА, т. III. Т., 1898. Этот же автор первый сообщил о термине «балбал» в киргизском языке.

19. Карпов, Г. И. К истории туркмен-сарыков. Ашхабад, 1945, стр. 12.

20. Михайлов, Ф. А. цит. соч., стр. 17.

21. Бартольд, В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью, 1893—1894 гг. ЗАН по ист. фил. отд. т. I, № 4, СПб., 1897, стр. 20, прим. 4.

22. Подробнее, в том числе о случае с золотой стрелой в колчане истукана, изображавшего Чингизхана, со слов Санан-Сэцэна см. Бартольд, В. В. К вопросу о погребальных обрядах... цит. соч., стр. 69—71.

23. В степях Средней Азии. Рассказ торговца Абросимова о поездке его в Хиву, СПб., 1872, стр. 12.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

64

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1956

В. М. МАССОН

ПОСЕЛЕНИЯ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА
В ДЕЛЬТЕ МУРГАБА

Одним из важнейших вопросов древней истории Средней Азии является вопрос о времени широкого освоения оседлым земледельческим населением течения крупных рек. Работы советских археологов показали, что такое освоение — явление сравнительно позднее и что ему предшествовал длительный период использования для поливного земледелия небольших речек и ручьев. Например, в результате многолетних исследований С. П. Толстова в Хорезме можно говорить о широком освоении дельты Аму-Дарьи оседлыми земледельцами лишь с середины I тысячелетия до н. э., когда здесь создается развитая система каналов. Значительный интерес для исследования представляет также район дельты Мургаба, известный античным авторам под именем Маргианы. В 1954 г. древнемаргианские поселения эпохи поздней бронзы и раннего железа изучались 14-м отрядом ЮТАКЭ. Они расположены в основном в северной части Мургабских земель древнего орошения. В 1904 г. некоторые из них были обследованы американской экспедицией¹, не определившей, однако, их датировки, несмотря на ближайшие аналогии с материалом раскапывавшегося той же экспедицией южного холма Анау. В 1937 г. Б. Б. Пиотровским вскрыты слои времени Анау IV в Гяур-кале². Широкую разведку этих памятников провела ЮТАКЭ в 1949 г. (С. А. Вязигин) и 1951—1953 гг. (М. Е. Массон), когда был открыт целый ряд новых пунктов и более обстоятельно исследованы ранее известные³.

Археологическая разведка обеспечила организацию в 1954 г. стационарных раскопок древнемаргианских поселений.

Из числа обследованных в 1954 г. памятников наиболее раннее поселение Тахирбай 3 расположено в 12 км к северу от колодцев Кишман. Здесь получен яркий и своеобразный археологический комплекс, ранее неизвестный для территории Маргианы. Разведочными раскопками вскрыта часть 2 помещений, построенных из сырцового кирпича. Почти вся керамика изготовлена на гончарном круге. Ведущими формами ее можно считать вазы на высоких полых ножках, кубки (обычно серого цвета) с подкошенной придонной частью и шаровидные сосуды с отогнутым наружу венчиком и

¹ E. Huntington. Description of the Kurgans of the Merv Oasis. В кн. R. Pumpelly. Explorations in Turkestan, v. 1. Washington, 1908.

² Б. Б. Пиотровский. Разведочные раскопки на Гяур-кала в Старом Мерве. Материалы ЮТАКЭ, вып. 1, Ашхабад, 1949, стр. 35—41.

³ М. Е. Массон. О работах Южно-Туркменистанской археологической экспедиции. Тезисы докладов на сессии Отделения истор. наук и пленуме ИИМК Академии наук СССР, посв. археологич. и этнографич. исследов. 1953 г. М., 1954, стр. 42—45.

скошенной придонной частью, дающей в разрезе вогнутую выкружку. Распространен нарезной волнистый орнамент. Кроме керамики, найдены фрагмент терракотовой статуэтки коровы, носик сосуда, оформленный в виде головы змеи, каменное пряслице и бронзовая булава. Керамический материал дает ближайшие аналогии Намазга VI¹, что позволяет относить поселение Тахирбай 3 ко 2-й половине II тысячелетия до н. э. Подтверждением сравнительно поздней даты является находка в раскопе фрагмента сосуда ручной лепки, со штампованным орнаментом, имеющего ближайшие аналогии в андроновской керамике. Раскопки на поселении Тахирбай 3 показывают, что начальные этапы освоения дельты Мургаба оседлыми земледельцами относятся во всяком случае к периоду поздней бронзы.

Более поздние древнемаргианские поселения, где в подъемном материале есть керамика, аналогичная керамике Анау IV, расположены 3 группами, соответствующими 3 земледельческим оазисам древности. Наиболее крупным поселением восточной группы является Тахирбай-депе, центром средней группы было, надо полагать, поселение Яз-депе, а центром западной — Арвали-депе. Поселения получали воду из каналов, остатки которых особенно хорошо видны в центральной группе.

Стационарные раскопки в 1954 г. были организованы на поселении Яз-депе, расположенном в 34 км к северу-северо-западу от Байрам-Али. Яз-депе состоит из цитадели и прилегающих к ней бугров. Цитадель имеет в плане форму прямоугольника со срезанным углом и достигает в высоту 12 м. Бугры высотой до 4 м расположены к югу и северо-востоку. Они неправильных очертаний и не образуют единого массива, а как бы разбросаны «пятнами». Цитадель и основная часть поселения занимают площадь около 16 га. Однако небольшие всхолмления, усеянные фрагментами древнемаргианской керамики, распространены на значительно большей территории.

При раскопках 1954 г. были поставлены две основные цели: получение стратиграфической колонки культурных слоев и начало раскопок широкими площадями зданий верхнего слоя. Работы производились на цитадели — раскоп I (60 кв. м) по склону холма и раскоп II (120 кв. м), захвативший наиболее высокую точку в южной части сооружения. Кроме того, на южном массиве были заложены: 2 шурфа (3 × 5 м), раскоп III (200 кв. м) в северной части этого массива и раскоп IV (85 кв. м) — в южной.

В результате раскопок на поселении установлены три стратиграфических комплекса, соответственно названных Яз-I, Яз-II и Яз-III. Мощность культурных слоев в месте раскопок достигает 8 м.

В комплексе Яз-I, в слое, лежащем непосредственно на материке, преобладает керамика ручной лепки, распадающаяся на 3 группы: нерасписная, расписная и, сравнительно немногочисленная, керамика серого цвета, с лощеной поверхностью. В тесто сосудов двух первых групп замешан шамот. Цвет изделий — желтовато-розовый с различными оттенками. Роспись производилась темнокоричневой, коричневой и красно-бурой красками по зеленовато-белому фону. Преобладает мотив треугольника, заполненного сеткой или косыми линиями (рис. 23). Фрагменты посуды, сделанной на круге, в слое Яз-I встречаются сравнительно редко, особенно в самых нижних горизонтах. Постепенно, однако, процент ремесленной керамики увеличивается, и одновременно исчезает расписная. В верхних горизонтах слоя Яз-I найдены бронзовые изделия: иголка с ушком и черешковый наконечник стрелы с двумя шипообразно опущенными лопастями (рис. 24).

В комплексе Яз-II почти вся керамика, кроме кухонных котлов, изготовлена на гончарном круге. Черепок — красного цвета; снаружи сосуды покрывались беловатым ангобом; ведущие формы керамических изделий —

¹ Б. А. К у ф т и н. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению «культуры Анау». Изв. Академии наук Туркм. ССР, № 1, Ашхабад, 1954, стр. 25.

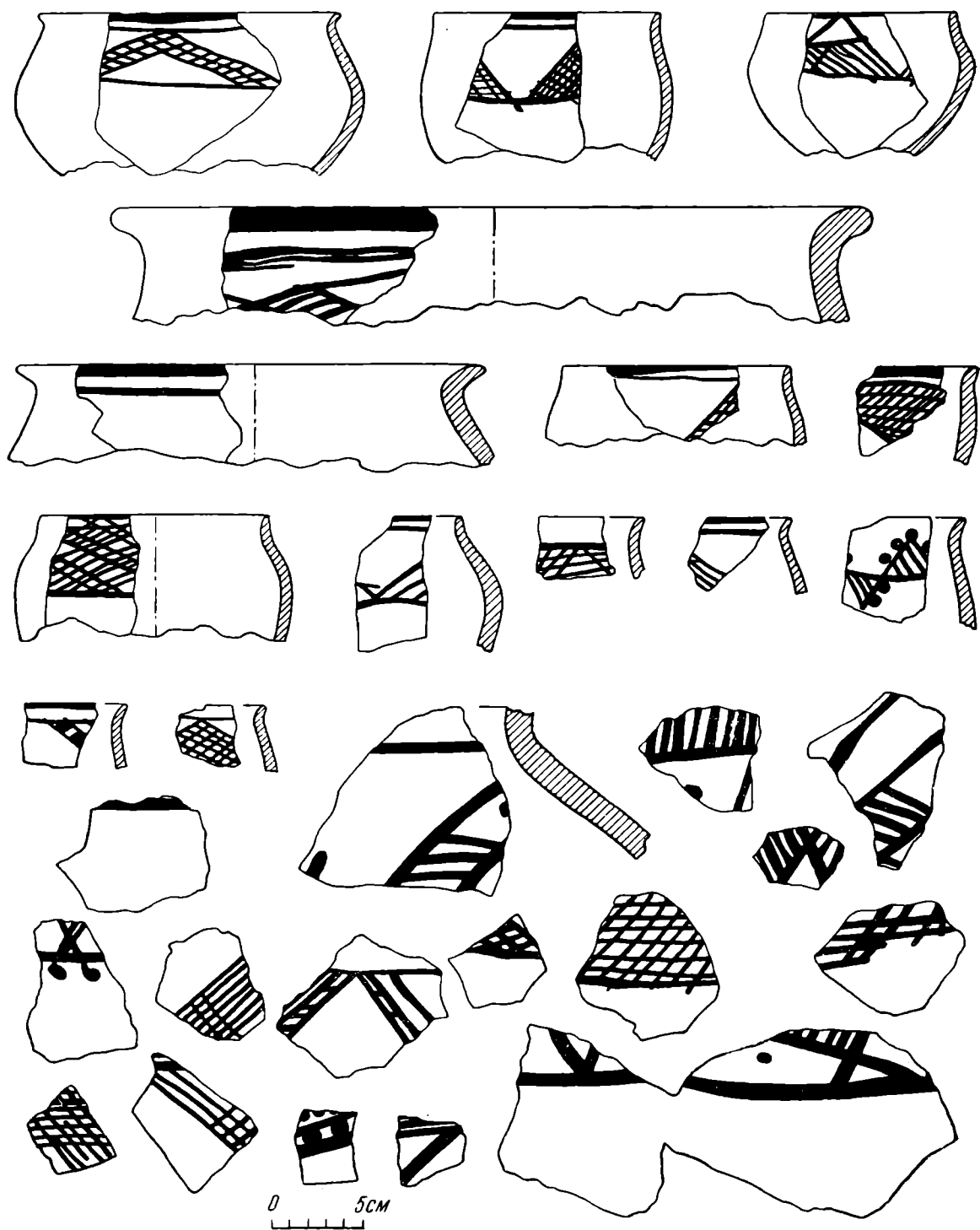

Рис. 23. Расписная керамика типа Яз-I.

сосуды с подкошенной придонной частью (банкообразные, а также хумы, хумчи и др.). Венчики хумов резко отогнуты наружу и крючкообразны в профиле. В слое Яз-II найдены бронзовые кольца и двуперые наконечники стрел с выступающей втулкой.

Комплекс Яз-III (рис. 25) по существу является лишь поздним вариантом комплекса Яз-II. Основные формы керамики сохраняются, но становятся более вычурными. Появляются низкие тарелочки с изогнутыми бортиками,

отсутствующие в слое Яз-II. Венчики хумов получают в разрезе вид уплощенных валиков. К этому комплексу относится находка в раскопе III клада железных изделий, в основном боевых топоров с проушинами (рис. 26).

Проведенные в 1954 г. раскопки на Яз-депе, таким образом, дают возможность наметить стратиграфическую колонку последовательной смены культурных слоев, что позволяет подойти к изучению исторического развития и самого Яз-депе, и всего района дельты Мургаба в целом. Рассматривая стратиграфию Яз-депе, следует отметить, что она находит близкие аналогии в раскопках южного холма Анау, которые теперь, в свете работ Б. А. Куфтина на Намазга-депе¹, получают существенные уточнения. Непосредственно под слоями Анау IV, соответствующими Яз-II и Яз-III нашей классификации, в южном холме шел слой с керамикой, сделанной ст руки и покрытой росписью². Эта керамика идентична материалам из слоев Яз-I. Показательно, что ниже этого слоя в южном холме Анау найдены фрагменты сосудов, принадлежащих культуре Намазга VI, не замеченной американской экспедицией и включенной ею в непомерно разросшееся Анау III³.

Раскопки на Яз-депе позволяют говорить о генетической связи Яз-I и Яз-II (т. е. слоя расписной керамики и Анау IV), чего пока на материале подгорной полосы установить не удавалось.

Верхняя дата культурных слоев Яз-депе, как нам кажется, может быть определена IV веком до н. э. В слое Яз-III, содержащем остатки лишь одного строительного комплекса, появляются формы сосудов, близкие парфянской керамике Гяур-калы (тарелочки с изогнутыми бортиками). Очень существенно также взаимоотношение древнемаргианских поселений и стены, построенной в конце III в. до н. э. Антиохом I для обороны Мервского оазиса. Остатки этой стены впервые были обследованы ЮТАКЭ еще

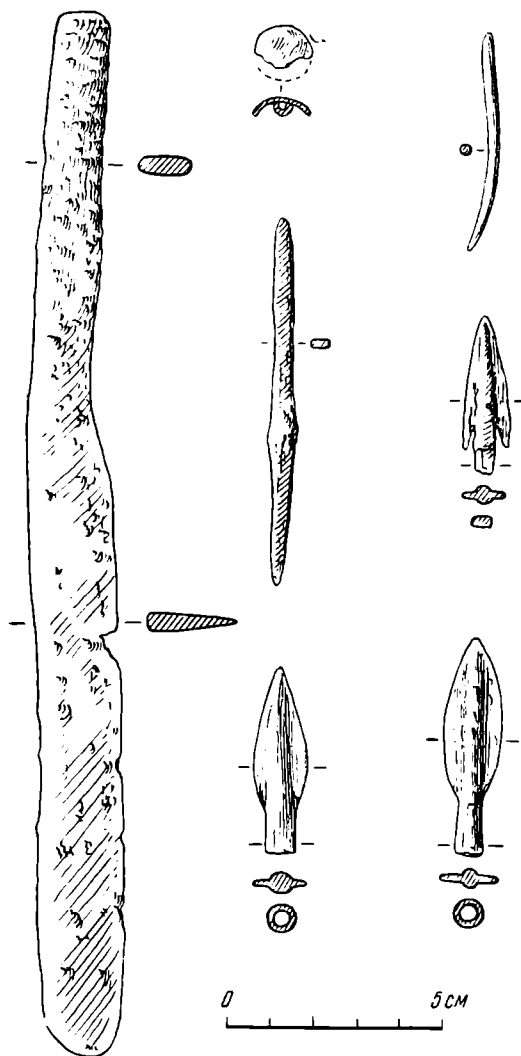

Рис. 24. Бронзовые изделия из цыта-дели Яз-депе.

¹ Б. А. Куфтин. Указ. соч.

² R. Pumpelly. Explorations in Turkestan, v. 1. Washington, 1908, табл. 35, 8, 9.

³ Таковы, например, фрагменты с нацарапанным волнистым орнаментом (табл. 12, 1, 2), хумы (табл. 19, 2, 4, 7) и фрагменты керамики тазабагыяско-андроновского типа (табл. 16, 7, 9).

в 1946 г.¹ Почти все древнемаргианские поселения, в том числе и Яз-депе, расположены к северу от этой стены, т. е. вне пределов оазиса III в. до н. э. К этому времени центральная и, видимо, восточная группы памятников уже были заброшены. Таким образом, имеющиеся данные взаимно подтверждают правильность отождествления стены, обследованной ЮТАКЭ, со стеной Антиоха и дату древнемаргианских поселений.

Находки втульчатых двуперых наконечников стрел в слоях Яз-II подтверждают датировку Анау IV 2-й четвертью I тысячелетия до н. э., предложенную Б. Б. Пиотровским. Комплекс Яз-II, вероятно, следует датировать VII—V вв. до н. э. Керамика Яз-II и Яз-III, кроме слоев Анау IV и нижних

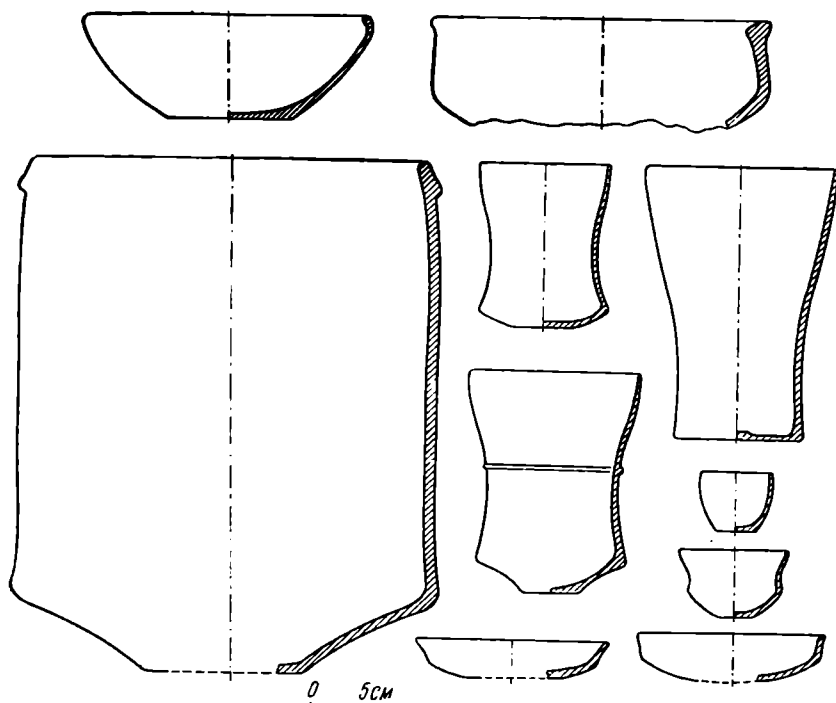

Рис. 25. Керамика типа Яз-III.

горизонтов Гяур-калы, находит прямые параллели в материале из долины Зеравшана (Афрасиаб I)², Северной Бактрии (Кобадан I)³ и Хорезма (Кюзели-гыр)⁴, что подтверждает предлагаемую датировку. Нижние слои Яз-депе (Яз-I) соответственно следует относить к началу I тысячелетия до н. э.

Опираясь на изучение стратиграфии, уже в 1954 г. удалось наметить некоторые моменты истории поселения Яз-депе. Очень интересны оказались раскопки цитадели. В раскопе I, заложенном по склону холма, установлено наличие массивной кладки из сырцового кирпича $54 \times 30 \times 10$ см, прослеженной на высоту до 6 м и в длину до 26 м. Эту кладку следует считать краем платформы, лежащей в основании цитадели. В раскопе II, захватившем наиболее высокую точку южной части цитадели, вскрыты узкие прямоугольные помещения (ширина 2,4—2,5 м), разделенные толстыми стенами из продолговатого сырцового кирпича и, видимо, перекрытые сырцовыми сводами. Комнаты были возведены непосредственно на платформе,

¹ С. А. Вязигин. Стена Антиоха Сотера вокруг древней Маргианы. Труды ЮТАКЭ, т. 1, Ашхабад, 1949.

² А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИМК, XXXIII, 1950, стр. 152—169.

³ М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении р. Кафирнигана (Кобадан). МИА, № 37, 1953, стр. 253—293.

⁴ М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма рабовладельческой эпохи. Автореферат диссертации. КСИЭ, XXII, 1955, стр. 72—74 и рис. 1.

прослеженной на глубину 3,2 м от пола помещений, причем кладка продолжается и ниже. Вскрытые помещения являются по всем признакам лишь частью монументального здания, состоявшего из многих комнат.

По стратиграфии поселения керамика, встреченная в раскопе II, соответствует переходному этапу от Яз-I к Яз-II. Кроме керамики, здесь найдены различные бронзовые изделия: нож с длинным черешком, иглы, нашивные бляшки, наконечники стрел двух типов (двуперые втульчатые и черешковые с шипообразно загнутыми концами). Судя по полученному материалу, цитадель возникла, вероятнее всего, в переходный период от Яз-I к Яз-II, т. е., очевидно, в VIII—VII вв. до н. э. Интересно, что в раскопе II отсутствуют более поздние слои, хотя керамика Яз-II в большом количестве встречается в других местах цитадели.

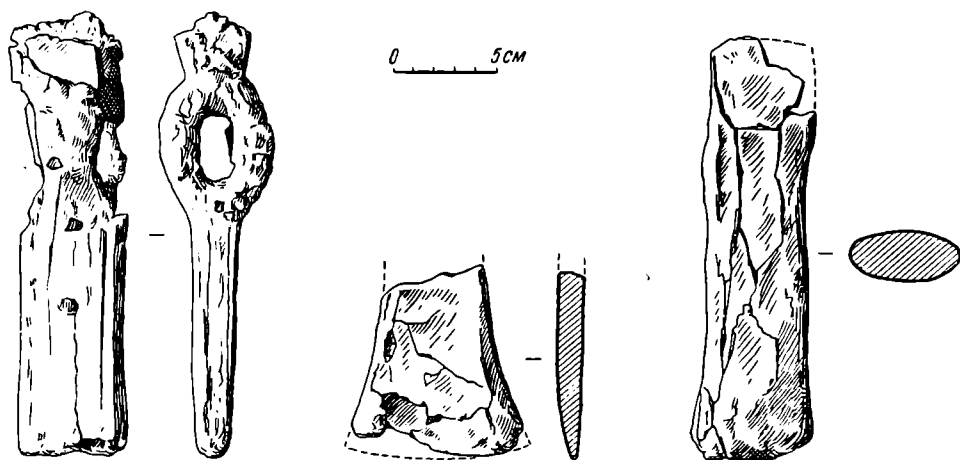

Рис. 26. Железные изделия из слоя Яз-III.

На территории самого поселения в раскопе III обнаружены части 2 домов, относящихся к комплексу Яз-III. Стены домов глинобитные, обычно тонкие (около 30 см), что свидетельствует о сравнительно небольшой высоте помещений. Внутри комнат найдены каменные зернотерки, кости животных, кухонные котлы, различная другая посуда и вкопанные в пол хумы. Наиболее интересна находка упоминавшегося выше клада железных изделий. Под полом одной из комнат расчищено скорченное погребение, ориентированное головой на юго-юго-восток.

В результате работ на раскопе IV установлено, что в поселении, во всяком случае в период Яз-II и Яз-III, не было специальных оборонительных сооружений. На краю его обнаружены лишь тонкие стенки жилых строений.

Таковы в общих чертах результаты раскопок 1954 г. на Яз-депе.

Судя по подъемному материалу, уже в период Яз-I осваиваются упомянутые выше центральный и западный оазисы, что связано с проведением больших каналов. Культурные традиции, проявившиеся в керамике, характере построек, обычае погребения под полом, свидетельствуют о тесных связях древних маргианцев с анаускими племенами Ахада и Атека. Вероятно, оттуда, с юго-запада, а также и с юга¹, шло заселение дельты Мургаба, о чем можно судить, в частности, и по культуре поселения Тахирбай 3, являющейся местным вариантом подгорной культуры Намазга VI. Возможно, что в результате дальнейших работ в дельте Мургаба будут обнаружены остатки более древних поселений земледельцев, но едва ли эти поселения были особенно значительны. Широкое освоение дельты крупной реки связано с проведением ирригационных работ, требующих сложной

¹ Поселение типа Анау II — Намазга II известно в районе Серахса.

организации общественного труда и значительного развития производительных сил. Вероятно, не случайно такое освоение происходит в период поздней бронзы и раннего железа не только в дельте Мургаба, но и в Юго-западной Туркмении, где выводятся каналы из Атрека (культура архаического Дахистана). Надо полагать, что именно к этому периоду следует относить начало сложения классового общества на территории Южной Туркмении.

Союзы общин, освоившие под земледелие новые территории, со временем сменяются примитивными государственными образованиями, границы которых, по справедливому замечанию М. М. Дьяконова, первоначально совпадали с границами ирригационных систем¹. Хронологические пределы этого процесса еще предстоит уточнить. На наш взгляд, о значительной социальной дифференциации свидетельствует появление на Яз-депе цитадели, выстроенной на мощной платформе и противопоставляющейся остальному массиву поселения. Яз-депе — один из крупнейших древнемаргианских памятников, — бесспорно, было большим экономическим, а, возможно, и административным центром доахеменидской и ахеменидской Маргианы. Дальнейшее изучение этого памятника, как и продолжение работ на других древнемаргианских поселениях, представляет несомненный интерес.

¹ М. М. Дьяконов. Сложение классового общества в Северной Бактрии. СА., XIX, 1954, стр. 138.
